

В. П. НАРТОВ
Т. П. ЛОБАНОВА

КРАТКИЙ КУРС ТЕОРИИ СМЕРТИ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЯ СТРОКА

Татьяна Петровна Лобанова
Валерий Нартов
Краткий курс теории смерти

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820596
Краткий курс теории смерти: Моя строка; 2019

Аннотация

Бандиты, вор в законе, милиция, продажные агенты ФСБ, любовник жены и муж любовницы – не то, чего следует опасаться в Петербурге девяностых, если ты – автор теории смерти. Научные оппоненты и коллеги требуют от Глеба экспериментального подтверждения гипотезы, но что, если он ошибается? Выходя живым из опасных ситуаций, Глеб постепенно понимает, что есть нечто сильнее смерти. На чьей стороне окажется эта сила?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	63
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валерий Нартов

Краткий курс

теории смерти

© Нартов Валерий Петрович и Лобанова Татьяна Петровна, 2019

* * *

Глава 1

Глеб и не думал, что можно быть неуязвимым, как в кино. То есть застрахованным от неестественной смерти. Признаться не могло, что подставит майора милиции под нож.

В девяностом году неожиданно умерла мама, и Глеб полетел на похороны в Черноземье. Отпевали маму в Казачьей церкви, а на подходе за огородами радовался солнцу Хопёр. Деревенское кладбище клонилось вниз, к старице, а на другом берегу росли веники. Пахло настоявшейся на траве жарой. Сорвался с неба и вспорхнул на оградку кобчик. Женщины переглянулись: не иначе душа прощается?

Глеб коснулся маминого лица – холодный камень. К горестному чувству добавилась обида на трагическую нелепость. Болезнь не считалась опасной, пятьдесят пять не возраст.

Остались три здоровых мужика – отец, Глеб и младший брат. Не семья, а непонятно что. Со временем острота переживания, как и положено, стёрлась. И не столько горе, сколько несправедливость случившегося толкнула Глеба разобраться, можно ли было спасти маму?

Уже в Сибири, в огромной библиотеке ГПНТБ, Глеб поднял статистику смертности. Из семнадцатилетних подростков до шестидесяти не доживает двадцать процентов. Они умирают неестественно: от повреждений, невозможности

дышать, отравлений или болезней. Вот и мама попала в разрядку.

Дома Глеб достал выпускную школьную фотографию. Ребята смотрят в будущее, и умирать не собираются. Сейчас им тридцать семь, но троих уже нет. К шестидесяти годам умрёт столько же. На ком чёрная метка? Смерть выбирает случайно или целенаправленно? За какую провинность?

Зимой девяносто первого в Глеба стреляли. То был день чудес: монтажники собрали термограф, и он заработал. Температура человеческого тела только в подмышке 36.6, а на груди и других местах совсем разная. Температурные пятна и полосы снимает особая видеокамера – термограф – для врачей, чтобы болезни определять.

А Чуприн пропал куда-то, как выяснилось, – лежал дома с сотрясением мозга. Подруливал к заправке, когда вперёд влез чёрный джип. Вырвал Чуприн у бритоголового пистолет, но ударили по голове, и он повалился мешком. Очнулся в окружении водителей, его подняли, отряхнули. Зачем полез, видишь, бандиты? Джип этот на Цветочном стоит, вот бумажка с номером, но лучше не суйся.

Бандитизм как туберкулёз тогда перешёл в открытую форму: кожаные куртки и кашемировые пальто оккупировали ландшафт. Бритые головы напоминали каски немецко-фашистских захватчиков.

Узнав про травму компаньона, Глеб взбесился и хотел

бандитскую машину сжечь, но как молодой Ленин, пошёл другим путём. За полночь, в лыжном костюме возник на Цветочном бульваре и принялся долбить джип гвоздодёром. Бедная машина закричала, окна засветились. Глеб побежал по просеке подступившего леса. Но и бандит оказался резвым, гнался и стрелял. Глеб пригибался, но не сворачивал, застрял бы в глубоком снегу. «Неужели пуля ветку перебила?». Дорогу пересекла спасительная лыжня, Глеб изменил направление и сделался стрелку невидимым. Так закончился биатлон. Бандиты искали его, спрашивали у коменданта аспирантского общежития. Лыжный костюм с лампасами пришлось выбросить. Геройский поступок Чуприну остался неизвестен, Глеб предпочёл помалкивать.

Этот случай подсказал, что в людях, выживших в критической ситуации, может быть что-то общее, предохраняющее от смерти.

В науке почти не платили, и учёные Сибгидро искали левые заработки. Глеб с Чуприным прямо в лаборатории занялись предпринимательством. Произвели термограф для Казнадеевского института и хорошо наварились. Но продолжить не удалось, деньги в медицине кончились. Глеба пригласил Казнадеев вечерами снимать термографом больных. А Чуприн взялся перепродавать компьютеры. В рабочее время гидродинамикой заниматься перестали – один обзванивал фирмы, другой изучал по газетам гибель знаменитостей. И надумал Глеб, что от неожиданной смерти предохраняет де-

ло, не связанное с предыдущим опытом.

Чуприн усмехнулся:

– Займётся твой человек новым делом, станет кому-то опасен. Наймут киллера – и кранты.

Глеб очень уважал Чуприна. Возраст за пятьдесят, талантливый экспериментатор, всё делает красиво. Заработал на Ладу 2101 и отапливаемый гараж. Вскоре бывшему компаньону «повезло», дочь вышла замуж за главаря рэкетиров. Рэкетирами поначалу именовали бандитов, родное название вернулось позже. И однажды новоиспечённый тесть поехал на машине «к ребятам». Вернулся, удивлённо подняв брови:

– Ребята собираются контролировать нефтепровод!

Посещения князем Золотой Орды продолжились, и Чуприн освоился в преступном мире.

– Спрашиваю ребят, идти в депутаты? Ребята говорят – иди!

Однажды Чуприн заговорил очень весело:

– Странно, да? Ты ушёл в медицину, но сохранил банковскую подпись нашей конторы. Имеешь ключ от сейфа с печатью. Ладно – счёт пустой, а придут серьёзные деньги?

Глеб отдал ключ, они посмеялись. Но серьёзные деньги поступили в сентябре девяносто третьего. Двадцать тысяч долларов дало займы украинское госпредприятие. Его директор, брат Чуприна, решил вывести брата в люди. Присланную сумму оставалось законно украсть. Правда, возмутилась тамошняя бухгалтерша – деньги отправили без меня,

немедленно верните! «Неделю обрывает телефон и грозит милицией».

От нахлынувшего богатства бывшим компаньонам захотелось в словах и действиях выяснить отношения окончательно.

Страшен вечером гидродинамический зал. Разнокалиберные установки переплетают щупальца как осьминоги. Каждая рождена гонять жидкость, имеются окошки для подсматривания. Щупальца облеплены наростами измерителей. Инопланетный мир, пещера горного короля.

Чуприн разливает по стаканам на редкость хороший коньяк, несмотря на плавающие осадки. Ящик такого коньяка купили по случаю.

Опьянение охватывает Глеба, и он вспоминает жену. Последний год прожили отдельно: квартиру обменяли, и жена уехала в Петербург. А Глеба задержало одно, зацепило другое. Соскучился, пора уже в Питер.

– Отдайте мою долю, и полечу, – говорит Глеб.

– Ничего, побудешь на иждивении супруги. Вплоть до трудоустройства.

– В смысле? – почувствовал Глеб нехороший привкус слов.

– Ты прямо дядька Савельич. Из «Капитанской дочки».

Сложно понять такой юмор.

– Клянчишь заячий тулупчик? – поиграл бровями Чу-

прин. – Короче, денег не дам.

Затряслась губа, сжались кулаки. Чуприн встал напротив и выставляет подбородок. Нарывается? Глеб на пятнадцать лет моложе, выше ростом. Телосложения волчьего, для драки подходящего. Но ударить не может.

Компаньон улыбается ровными зубами и сильно толкает Глеба. Ответный толчок припечатал агрессора к стене, но Чуприн рассмеялся – вот и подрались!

Глеб выпил залпом стакан, его качнуло на гидродинамический стенд. Взгляд сфокусировался на бывшем компаньоне. Внешность – хоть в кино снимайся, Ален Делон за пятьдесят. Лицо благородное и честное.

– Ребята удивятся, почему ты не рад? – снимает пиджак и отряхивает Чуприн. – Пусть, говорят, радуется, что жив.

– Деньги давайте! – не отступил Глеб.

– Знаешь, что? – достал Чуприн сигареты. – На чистый базар идёшь... Ладно, послезавтра в десять.

Железная лестница гремит, Глеб поднимается в лабораторию, мечтая сбросить на курящую голову противовес.

Вошёл, Лидия обожгла взглядом и прекратила бить пишущую машинку. Это лицо не умело скрывать эмоций. Лидия выпалила, что Чуприн премировал холодильником, но не новым!

– Я уже не командую.

– Поставьте условие – заменить холодильник! – не слушает Лидия. – Век не забуду. Вспомню ежегодно.

– Вы посмотрите, какая жадная! – удивляется с лестницы Чуприн. – Холодильнику три года! В медпункте забрали за долги. Не нравится, ради бога! Верните обратно.

Лидия заплакала в голос и побежала в расчётный отдел жаловаться, хотя уже время позднее.

Чуприн пошевелил вслед бровью.

– Может, и отдам половину из гуманных побуждений. Почему супруга должна страдать от твоей несурзности, и вместо материальных благ получать некрологи?

Глеб сунул руку в пуховик.

– погоди уж, – усмехнулся Чуприн. – Брат звонил, советовался насчёт бухгалтерши. Начальник милиции предложил тётку ликвидировать за четыре тысячи долларов. Исчезнет бесследно. Ну, и где твоя теория? Уничтожат независимо, получает ли новый опыт или кропает одно и то же.

Глеб ошарашено ловит взгляд собеседника. Издевается, это понятно. Но такое рассказать! А если не соврал?

Он пошёл аварийно освещёнными коридорами на выход. Отдалённо шумел подтекающий унитаз, обаятельная улыбка Чуприна не выходила из головы.

Убийства справа и слева не удивляют бывших советских людей. В восьмидесятых запустил процесс М. С. Горбачёв. В мирной стране убили несколько десятков граждан. Армян в Баку и Сумгаите. Никого не наказали, спустили на тормозах. Власть подала сигнал – убивать теперь безопасно и экономически выгодно. Сигнал услышали.

Коллега Юра разлюбил науку, захотел дела делать. Ушёл руководить полиграфией, а в девяностом сел в райисполком предприятия регистрировать. Кому помешал и чем? Убили по нижнему тарифу, в подъезде молотком.

Хорошо голове от морозного воздуха. Ошеломление уходит, его место заполняет бешенство. Не пройдёт казак мимо чёрта, чтобы в рыло не заехать!

За окном аспирантского общежития чернеют сосны, на подоконнике стынет кружка чая. В этой комнате Глеб прожил год. Став «командировочным», махнул рукой на обязательные предметы быта. Сковородку или утюг просил у соседей. Холодильником служил мешок за форточкой. Вместо белой скатерти распечатка электронно-вычислительной машины. В углу прислонилась гитара: можно приводить баб, напиваться и орать песни. Не довелось пока. В шкафу огромный сторожевой тулуп (придётся продавать). Со стены смотрит Лиза, чудом уцелевшая. После свадьбы жена уничтожила женские фотографии и письма. А Лизин автопортрет хранился на работе и пережил годы репрессий.

– Сдвинулось и треснуло! – объяснил Глеб портрету. – Помнишь разговор в кафе... на пляже? Вот она, развилка.

Он отхлебнул из кружки и рухнул. Заскрипела панцирная кровать, заправленная байковым одеялом.

Утро началось хитро. Глеб уговорил отдел кадров Сибгидро уволить его и выдать трудовую книжку. Сочинил про срочную операцию жены. А после обеда в медицинском НИИ распрощался с академиком Казнадеевым. «Почему народ любит начальников? Надеется что-нибудь получить». Невнятные слова академик говорил под стол, не складывая в предложения. Даже заместители плохо понимали Казнадеева, распоряжения записывали, а потом расшифровывали.

Договорив, академик вопросительно поднял глаза.

– Я постараюсь, – ответил Глеб наугад.

Получилось невпопад, раз академик нахмурился.

– Не уверен, что получится! – Тут Глеба охватила паника. Он кивнул и выбежал в приёмную. Просителей озарило величие открывшейся двери.

– Как? Что сказал? – напугались они стремительности.

Но Глеб уже был в коридоре. Даже за гранитно-чёрной надписью ощущалось давление могучей личности. Туман досадной непонятности сопровождал по торжественной пустоте директорского этажа. Только у перил лестницы пазл сложился.

– Здесь вы гидродинамик и теплофизик живых тканей. А там кто? – вот что сказал Казнадеев.

Это вам не военрук или тренер с душевным прощанием

и советами. Ступени прыгали вниз между этажей, пока не привели в холл с портретами лучших. А худших вывешивали на доске приказов. Среди нарушителей фигурировал, как обычно, Поломодов. Вот кто привит от смерти. Когда познакомились, Глеб не думал об этом, всё только начиналось.

Тем несчастным летом он бродил в деревьях и стирал рукавом слёзы. На опушке, в свете витрины магазина, выпивали по кругу. Мужчина, похожий на Высоцкого, спросил:

– Что с тобой, парень?

Челюсти сводило, и Глеб еле выговорил:

– Мама умерла!

Мужчина налил – Глеб выпил. Поговорили, мужчина налил ещё. А товарищ его рассказал про шторм. «Волны в заливе, плыть нельзя, сидим на острове. Вдруг сквозь ветер тук-тук-тук, моторка идёт. Говорю, это Поломод! И точно, ты причаливаешь!»

Обстоятельства ужасного дня память спрятала поглубже. Остались отчаяние и стук двигателя, едва слышный в грохоте шторма. Поломодов припомнился, когда Глеб задумался про спасшихся. Не один раз мог утонуть Поломодов, он постоянно ищет драйв, постоянно в движении. В бессмысленном движении с обычной точки зрения. Людям важен результат, а у него ни идеологии, ни цели. Как художник, он творит проступки и нарушения. «Бросаю ночной пост, иду со спиртом к дежурной второго поста. А она пьяная и изнасилованная! Пошёл на третий пост, и там дежурная пьяная

и изнасилованная! Представляешь? Бегу на четвёртый...»

Разнообразие хулиганств, прочитанных на доске приказов, и натолкнуло Глеба на «неповторяемость предыдущего опыта». Тепловые портреты болезней, снимаемые Глебом, тоже не повторялись. Может, поэтому пистолет промахнулся? Выходит, подкачка нового опыта предохраняет от неожиданной смерти.

Побитые углы коридора и несильный запах химии настроили сентиментально. Вот и железная кнопочная дверь без таблички. Пальцы нажали комбинацию кнопок, и Глеб вошёл, отведя взгляд от термографа. Прибор укоризненно следил глазом объектива. Со стенда повернулись знакомые лица.

– Иди, он приехал! – показал пальцем завлаб.

В комнате испытуемых пахло бульоном, хакасский шаман Тормазаков варил мясо. Глеб радостно поздоровался и бухнулся на ободранный табурет. Отлично, вопрос не останется торчать колом.

– Долго ехал, мясо растаяло, – шаман в синей шёлковой косоворотке помешивал в стальной кастрюле, придавившей электрическую плитку.

Он обтёр страшный костяной нож газетой и натряс в варёво молотую траву из жестяной банки с дырками.

– Прибор ночной – никак? – Шаман обернулся с деревянным стуком висящих на шее амулетов.

Амулетов было много, по одному на каждого предка Тор-

мазакова. Их души пристёгнуты к магическим предметам, и дробное перестукивание напоминало, что группа поддержки рядом.

– Никак, – вздохнул Глеб.

Однообразно и неоднократно шутит хакас про термограф. Да, не может прибор отличать умирающих людей от выздоравливающих. Обнаружили было дыру в ауре, оказалось – ошибка обработки изображения.

А шаману духи предков сообщали про смерть пациентов заранее. И не только он мог предсказывать. Глеб слышал разговор академика с молодым и старым экстрасенсами. Молодой оправдывался.

– Души умерших для энергосбережения принимают форму шаров. И питаются энергией страха.

– Нет, такого не напугаешь, – забулькал академик. – На пороге другого мира за спиной появляется тень. В деревне говорят: «За ним пришли». А ты про уплотнившееся эфирное тело.

– Тогда это бес. Паразит, но жизни не угрожает.

Возразил старый:

– Это тень смерти. Вижу их с детства. Ходят за человеком, потом он умирает. Больше недели не живёт. Иные зависают в доме на одном месте. Серая расплывчатая дымка. В глаза человеку невозможно смотреть.

– А бывает, что тень рассеется, и человек выживет?

– Наоборот. Бывает, угрожают жизни ранения, кровоте-

чения, инфаркты, инсульты – по всем параметрам не жилец. Но нет тени, значит выкарабкается.

– А может тень перескочить на другого?

– Может. Привезли человека с приступом, за спиной ужасная тень. Прооперировали вроде успешно, перевели в палату. Утром смотрю – тени нет. А ночью погиб его тёзка, сосед по лестничной площадке.

Экстрасенсы умели смерть предсказывать, только появлялись редко. Время зарабатывать деньги, не до науки. А Тормазаков прижился, навещал институт подолгу.

Глеб длительное время не понимал, зачем нужны предсказания? Ведь обречённых пациентов, как положено, лечат и пытаются спасти. В лаборатории отмалчивались, только шаман ответил.

– Я бью потом в бубен, иногда смерть прогоняю. Почему здесь лучшая в мире выживаемость?

А в диагностике заболеваний термограф потеснил Тормазакова. Сбылась мечта академика техникой заменить экстрасенса. Разные пробовали приборы, но отпали они осенними листьями. Остался термограф, а сама идея увлекла Глеба. Окунула в тепловые картины организма, и он наглотался красивого многообразия.

– Отдохнёт ночной прибор, устал от тебя.

Тормазаков славился бездушием. Сосудистая врачиха, кандидат наук, приходила советоваться по незаживающим язвам отца.

– В электронный микроскоп смотри, – отказался говорить шаман. – А я живу в каменном веке.

Обидел и профессора. Его по причине алкоголизма не пустили на заграничную конференцию. Профессор потребовал у шамана хороший яд, чтобы не мучиться. Тормазаков развёл в воде антибиотик из аптеки и вручил самоубийце. Выпил ли учёный – неизвестно, но здороваться с шаманом перестал. Хакасец объяснил – кому суждено, умрёт от антибиотика.

– Ну, спрашивай, а то мясо сварилось.

Подгоняемый мясом, Глеб заторопился.

– Вопрос не обо мне, – он выставил ладони.

– Про маму? – неприятно хихикнул шаман. – Или про родственника?

– Духи смерть здорового человека предсказывают?

– Конечно.

– За сколько времени?

– Ну, за месяц.

– И можешь сразу её прогнать?

Тормазаков затрещал смехом и деревянными фигурками.

– Конечно. Если мои духи сильнее духов смерти.

– А когда они сильнее?

– Когда разрешено.

– Кем?

– Великими духами, кем ещё? – Корявый палец показал вверх.

– А без разрешения не пробовал?

Шаман поводит в кастрюле разводным ключом и стряхнул пену на пол. Глеб поднялся уходить.

– А ты, Годунов?

– Я? – ошпарило Глеба изнутри. – Причём я?

– Взялся бы спасти, рискуя головой?

Глеб взгляделся в лицо шамана.

– Чего молчишь? – Шаман положил разводной ключ и взял ложку. – Ты молчать пришёл? Говори давай.

– Оценил бы риск, – промямлил Глеб.

– И я оцениваю риск. Одинаково, Годунов!

– А духи причину смерти не говорят?

Шаман почесал ложкой затылок.

– Нет. Упрямый ты, Годунов, и необузданный.

– А если смерть прогнал, она не вернётся?

– По-разному. Возле каждого с мухобойкой не постоишь.

В бурятской степи человек виден, а в городе вас сколько?

Тормазаков сунул палец в кастрюлю.

– Бульон остывает. Ну, уходи давай.

Глеб углубился в игольчатые деревья, глотая осенний воздух. Строевой шаг, усы торчат, как руль велосипеда. Переодетый белогвардеец пробирается на Дон. Аккуратно, как штабеля дров, перекладывая мысли.

Сквозь деревья показалось садоводство. Из ворот выскочили собаки, ревя голосами ненависти. Но узнали, завиляли хвостами и обрели по булке. Проглотили угощение и заулы-

бались, а Глеб стал хватать мохнатые морды.

– Кто вам булочек принесёт? Кто вас почешет?

Волкодавы попадали на спину, и Глеб добросовестно прочесал каждое брюхо.

Прошлой зимой приятель подрабатывал здесь сторожем. Не ленился в снегу обходить территорию, вдавную в зимнюю кому. Но не уберёт добро садоводов от алчных жителей совхоза имени Кирова. Лопаты с ведрами уплыли в село Кукуево – пункт приема цветного и черного лома. Воры свинтили, смотали, срезали металл, где смогли. Пришли весной хозяева – супчик не замутить, не похлевать. Не укрыться с соседкой одеялом. Многие не выстояли, побросали участки. Их распахал и засадил картошкой председатель.

Вечером на родном этаже Глеб недорого распродал сторожевой тулуп, настольную лампу и гитару. Остальное вместил чемоданчик. Соседям налил коньяка, но сам выпил умеренно.

Ночью приснились молодые, с фотографии, мама и отец.

* * *

На следующий день в десять утра Чуприн улыбнулся Лидии. Забавно наблюдать эмоции на откровенном лице женщины.

– Ты поверила, что отдам деньги?

Лицо испугалось, Чуприн развеселился.

– Зачем они ему? Любит пошутить, вот и посмеёмся.

– Вы...

– Да. Поедем разбираться, если не струсит. А за ним никто не стоит, такова правда жизни.

Лицо мгновенно опечалилось, и Чуприн рассмеялся.

– Где он, кстати?

Печаль Лидии перешла в тревогу, и Чуприн хмыкнул.

– Может, заболел? Позвони.

Лидия принялась крутить диск телефона и говорить алё.

– Годунова, пожалуйста. Съехал? Василий Михайлович, съехал!

Чуприн выглянул в коридор.

– Струсил, понятно.

Они прождали полчаса.

– Ладно, – подобрел Чуприн. – Обналичу деньги – получишь новый холодильник.

Лидия засияла лампочкой, но погасла.

– А вы премию обещали.

– Обещал.

– А холодильник отдельно?

– Не отдельно, а дополнительно к премии. Легче дышать стало? – Чуприн достал сигареты. – Позвони, кстати, в банк.

Сияющая Лидия схватила телефон. Когда Чуприн вернулся из курилки, лицо женщины выражало непонимание.

– Василий Михайлович, денег нет!

– Как нет? – Чуприн отяжелел, а глаза придавили Лидию.

– Годунов отправил на Украину. Вернул обратно.

Даже сильные люди столбенеют от шока. Чуприн положил руки на стол и уставился прямо. Подошёл к сейфу, открыл, печать лежала на месте.

– Спроси в банке, Годунов там?

– Да!

– Что да?

– Годунов ходит по банку.

Чуприн схватил трубку как осенний гриб.

– Женя... меня обокрали... в двадцати минутах, останови встречный автобус.

Он достал из стола фото и разорвал надвое. Половинку принялся многократно копировать. Вторую Лидия подобрала с пола и захохотала.

* * *

Банк открылся в десять, чемодан Глеба обязали сдать в камеру хранения. Заполняя платёжку, пальцы не дрожали. Деревянная печать вкусно окунулась в штемпельную краску и чмокнула бумагу. Проба получилась хорошей, не отличить от оригинала. Глеб надавил печатью бланк, расписался, и платёжное поручение легло в операционное окно.

Постояв в очереди, он подал управляющей справку на возврат займа. Освоение средств невозможно, привлечение было ошибкой.

– Понятно, – ответила управляющая.

Чуприн потребует остановить платёж, и ему откажут.

Двенадцать часов пробило, пора и убегать. Банк этот вырос в чистом поле, недалеко шоссе с автобусной остановкой. Местность просматривается, но в километре по шоссе темнеет посёлок. Туда Глеб потрусил через поле, прокачивая воздухом лёгкие.

Деревенские дворы приближались медленно, но Глеб успел шагнуть за вывешенное бельё, когда к банку подъехал джип. Вдруг кто-нибудь направит бандитов сюда? Глеб оглянулся на дом, в окне белело лицо хозяина. Спасать он не бросится. После томительного ожидания джип сорвался обратно в город.

Хозяин высунулся в форточку и крикнул:

– Ты чего?

– Снимаю бельё, в чемодан складываю.

– Подожди, волкодава спущу.

В доме удушливо залаяла собака, Глеб побежал вдоль разбитой улицы. На шоссе показываться нельзя. Увидев сырой и уютный промежуток между сараями, Глеб уселся там на чемодан. Пришёл волкодав и опустил на колени мохнатую голову. Глеб аккуратно погладил и почувствовал счастье. Волкодав убежал, а Глеб остался мокнуть под мелким дождиком.

Наконец затрещал двигатель. Огорчённый пенсионер хотел домой, но деньги пересилили. Запорожец помчал Глеба в противоположную от города сторону. Потянуло в сон, и гла-

за закрылись. А когда открылись, увидели пятиэтажки. Глеб высадился в городке, где останавливается томский поезд.

На телефонном узле он заказал Украину, там кончался обед, от трубки пахло борщом. Бухгалтерша привычно обругала и пригрозила милицией. Доброжелательные слова Глеба остановили женщину. И она совсем замолкла.

– Деньги отправлены, теперь смысла вас убивать нет.

Бандиты напрасно разглядывали авиапассажиров на Москву и Петербург. Полупустой плацкартный вагон увозил Глеба в Томск. Студентов и цыганку он не боялся.

Чересчур прямолинеен Чуприн: деньги не отдать, бухгалтершу убить, опасного человека уничтожить независимо от нового опыта. Но и Глеб любит простые решения, например, печать подделать. В студенческом общежитии режут по оттиску быстро и дорого.

А бухгалтерша не так проста, раз убереглась от страшной угрозы. Допустим, она консервативна, делает одно и то же. Значит, есть другой потенциал спасения. Узнать бы, в чём он?

Ночью Глеб вылетел из Томска в Москву. Темнота осталась внизу, а на десяти тысячах метров проглянуло солнце.

Глава 2

В кафе на Ленинградском вокзале свободно. Один столик заставлен пивными кружками, там украинские строители раздирают сушёную рыбу. На последние деньги Глеб берёт пива, но хищная пена отъедает половину.

А за стеклом двое в импортных плащах ведут третьего. Будто друзья сажают выпившего на поезд, но настырная уверенность выдаёт конвоиров. Для милиционеров чересчур респектабельны, но и не бандиты. Третий – джентльмен в английском пальто и кожаной шляпе – прижимает тёмный портфель, светясь благородным недоумением и непричастностью к происходящему. Может, его на перроне столкнул под поезд?

«Необычно, Москва!» – Глотнул пива Глеб.

Без денег особенно легко, когда имущество умещает потёртый чемоданчик. Пятнадцать лет назад с ним, новым и красивым, Глеб улетал в Сибирь. Родители подарили, переживали страшно. И вот, с ним же, – в Европу.

– Внимание!.. Москва – Санкт-Петербург... двадцать минут.

Недавно появились платные туалеты, но народ поверил, пошёл. Из мужской половины выскочил пассажир, обтирая руку бумагой. Округлил глаза на круглые вокзальные часы и побежал к удаляющемуся в туманной дымке составу, на-

встречу унижительной безвыходности, тяжелой злости на самого себя.

Глеб заливал внутрь пиво и не торопился. Добраться до вагона хватит минуты. Суметь бы добыть чтиво... Словно услышав Глеба, бог помог. Встревожились строители – надо бы отлить – и вывалились из кафе. Глеб воровато оглянулся на чужой столик, там под остатками воблы томилась газета. Вытянул, встряхнул и с чемоданчиком – на перрон, к вечному запаху железной дороги и одинаковым вагонам.

Задумчивая хозяйка тамбура, привалившись к стенке, изучает зелёную купюру. Служебное тело не противится, чтобы Глеб миновал его.

– Опаздывают и бегут, – бурчит проводница, покосившись на билет.

Пушкин назвал природу равнодушной, а проводница, как и кабан, неотъемлемая часть русского ландшафта.

В купе сидела неопределённая женщина в бесформенной хламиде дорожного назначения. Нет декольте или кружевного бюстгальтера под просвечивающей блузкой. Не видно нежной шеи, плавно переходящей в грудь четвёртого размера. Бёдра не обтянуты короткой юбкой. Одинокая жизнь сформировала в Глебе тактильный голод. Мгновенно разочарованный, он отвернулся и забросил чемодан.

Вошёл другой мужчина, тот самый, из вокзальных конвоиров, и плюхнул кожаную дорожную сумку. В двери упёрся человек при шляпе и портфеле. Сзади его толкала провод-

ница.

– Не было СВ, только купе, – процедил пёс конвойный.

Снаружи в окно заглядывал второй. Приплюснутое к стеклу лицо было строго. Человек в шляпе недоумённо огляделся.

– Может, позвольте переодеться? Чтобы соответствовать этому, – он покрутил рукой.

– Одну минуту, – конвоир достал красное удостоверение. – Граждане пассажиры, сообщите место работы!

Тон был служебный, властный.

– Сибгидро.

– Три тысячи километров? Неплохо обставились. Только вместо Сибгидро теперь Диснейленд.

Взгляд конвоира ловит реакцию Глебовых зрачков.

– Да, – усмехнулся Глеб. – А я работаю Микки Маусом.

– Ладно, вы? – палец ткнул женщину.

– Можно вежливей? Фирма «Лечебные чаи и травы».

– Везёте траву?

– Да.

– Анашу?

– Вы что себе позволяете? Шлемник байкальский.

Ладонь конвоира рубанула воздух.

– С попутчиком разговоры не вести. Еду – питьё не предлагать. Упаси боже лезть с картами или интервью.

– Женщина-то нормальная, а он подсадной, – проводница скривилась на Глеба. – Вишь, зырит!

Конвоир насторожился среднеазиатской овчаркой и минуту соображал.

– С поезда уже не снять! – прорычал он. – Глаз не спускай!

Вагон резко дёрнул и погнал служебных людей. Мимо поплыл серый кирпичный забор с предупреждением «Не пытайтесь встать на пути товарного состава!» Провожающие бежали продлить счастливые секунды. Глеб с женщиной вышли в коридор, и она открыла сумочку.

– Здесь самое ценное. А у вас? Неужели оставили в купе? – удивилась женщина.

– Да, бумажник в кармане пуховика. Я потом покажу.

– Однажды едут со мной военный и жена, – доверительно понизила голос попутчица, – в дороге хорошо беседуем. А перед Питером жду у туалета, когда освободится. Военный подходит, вдруг засунул руку мне под футболку и хватать за грудь. Спрашивает – можно? Что бы вы сделали на моём месте?

Глеб оглядел бесформенную хламиду и пожал плечами.

– Вернулась в купе, а жена удивляется, – у меня вид, будто обидели!

– Так на вас защитная форма?

Она кивнула. Из купе потянуло духами.

– Думаю, разведчик возвращается с холода, – дрогнул женский голос. – Нелегал по типу Абея.

Разведчик продолжал возню и утихомирился нескоро. На стенке повисли серый костюм и английское пальто с мехо-

вым воротником. Полку украсил прозрачный контейнер с мылом и бритвенными принадлежностями. На столике толстый том «ДОЗ–120».

Мужчина в фуфайке с надписью San Francisco прямо держал очкастую голову. Глеб, переодевшись, залёг наверх лицезреть картины московской жизни, радостные глазу провинциала. Женщина сдвинула «ДОЗ–120» и разложила продукты питания.

– Скушайте это, – протянула Глебу срезы колбасы на чёрном хлебе.

Глеб обрадовался, а разведчик слышно сглотнул.

– Может, и вам? – нарушила запрет попутчица, и разведчик вздрогнул.

– Пожалуйста, не провоцируйте, – ответил сиплый голос.

Многоэтажная Москва закончилась, жизнь опустилась ближе к земле. С украденной газетой повезло. «Одесский вестник» хоть и пахнет рыбой, наполнен смертельными историями. Первую полосу заняло последнее интервью певицы Вадим «Что делать, если бросил парень?». Вадим прогремела, когда обнажилась перед Роскосмосом, протестуя против отправки на Марс свиньи. Роскосмос ответил, что свинья – это утка, а полёты на красную планету – дело далёкого будущего. А вот и главное! Считала, что в жизни всего достигла, осталось родить ребёнка. А родив, вообще перестала действовать, даже ребёнка выращивать. Он не стал страховкой от неожиданной смерти.

Глеб бесшумно уснул, а проснулся от громких слов – внизу запылала беседа. Разведчик всю закусывал, попутчица раскраснелась.

– Спускайтесь к нам! – увидела женщина Глебово лицо.

– Не зови, пусть там! – раздалось из дверной щели. – Ты баба нормальная, а он кто?

– Утром пьют заваренные травы и молятся. А океан ждёт! – говорил набитый рот разведчика. – Зарядка и плавание, свежие фрукты. Прибегают – горячий душ, салат из овощей. Духовность и здоровье в одном флаконе.

– Эх, сто двадцать! Тоже хочу, но не заработала. Давайте!

Они чокнулись под столом и опрокинули стопки.

– Буква «о» – третий кит, – просипел разведчик. – Обеспеченность. Способность позволить духовность и здоровье.

– А «д» это что? Уже забыла.

– Ещё раз. ДОЗ – духовность, обеспеченность, здоровье.

Число 120 – дожитие до ста двадцати лет.

Человек из Сан – Франциско хрустнул огурцом.

– Хорош, а? Потому что просолился. И духовное здоровье пропитывает, чтобы ты хранилась как огурец в погребе.

– Сначала подумала, вы странный, – закусила жареной колбаской женщина. – Заняли нижнюю полку, где положено есть!

– С дамами обычно не полемизирую. Говорил с одной, даже неприятно. В каждом предложении обида: квартиру снимает, платят мало.

– Значит, у вас серьёзно. Я думала, брехня.

Разведчик подал женщине визитку:

– Рывкин Марк Владиленович, член РООУ, МАПН, ААН и БПА.

– Да вы что? Вот это да, – поразилась женщина.

Смутное подозрение проявилось на фоне нетрезвого лица.

– А сами алкоголь... позволяете?

– Только по пятницам и с молитвой. Под рыбу на пару и жареную картошку.

– Одного не поняла. Духовность жизнь продляет, а суставы она лечит?

Рывкин поднял колено и снял носок. Вдруг тощая стопа поднялась над столом, пальцами схватила пластиковую вилку и подала хозяйке. Три свидетеля были потрясены, а Рывкин подсел к попутчице развить успех.

Дверь стыдливо прикрылась, Глеб отвернулся к стене и развернул медицинскую полосу «Проходите, раздевайтесь». Внизу шушукались, а он лениво перебирал глазами мятые строчки. Но что это? Неужели? Просто не верится!

Тем временем щупальца осьминога обхватили рыбину, женщина хихикала. Но учёному привычно ломать другому кайф. Глеб свесился и полюбопытствовал:

– Народный артист Савельев как поживает?

Рывкин остановил щупальца и вернул в исходное положение. Потом тщательно вытер салфеткой руки.

– Пожалуйста.

Он открыл том «ДОЗ-120», полистал и пригладил страницу.

– В деле имеются... профилактические обследования... нежелание сниматься в фильмах... счастье ремонта дома... покупка антикварной мебели... диета, регулярные голодания, очистка организма. Интимные подробности не разглашаем.

Рывкин вопросительно поднял очки.

– Можно про диету? – попросил Глеб.

– Обед. Крупа заваривается в термосе. Мёд, семечки, изюм, оливковое масло, – Рывкин смолк.

– А ужин?

– Сырые овощи, каша, соя. Из магазина натуральных продуктов.

– Ничего не пропустили?

– Овощные соки в течение дня.

– А клизмирование?

– Обязательно.

– И последний вопрос – как он умер?

В тишине Рывкин протёр очки скатертью. Засучил ногами, надевая тапки, и вышел. Попутчица вскрикнула и расширила глаза.

– Умер? Разве такое возможно?

Явилась проводница и давай набивать сумку вещами господина из Сан – Франциско. Рывкин поглядывал из коридо-

ра.

– Он отдал душу телу! – всхлипнула женщина. – Всего себя отдал телу!

– Прекратите, милая девушка, – строго произнесла проводница. – Не видите, журналист подсадной. Чтобы опорочить эксперимент.

– Вот так найдёшь мужа, а он в гроб! – простонала женщина.

Рывкин кашлял долго и добросовестно. Покраснел и налил слезами, хрипло выбрасывая воздух. Очистив голос, шагнул в купе.

– Мне ответить на языке масс? – Заговорил он нетрезво. – Не знаю, хочу ли? Имею ли право? Но отвечу, как неоднократно на высоте трибун.

– Молчите. Переодевайте брюки! – командовала проводница.

Рывкин сунул худую ногу в штанину:

– Ещё раз! Биологи и медики не понимают рака! – Он поднял палец. – Многократно повторял и вот опять! Рак – это случайная катастрофа, вроде аварии! И не имеет отношения к здоровью!

Застегнув брюки, он высунулся в коридор.

– Братья и сёстры! Стыдно умирать больным! Умирать здоровым – это престижно!

Проводница втянула Рывкина в купе и продела руку учёного в пиджак.

– Савельев успешно стартовал в направлении ста двадцати. Средства имеются, дисциплина фанатичная, методика наша с Кирсановым! В прекрасной форме артист одолел шестьдесят восемь лет и двинулся дальше. На пляже Сан-Франциско сдал нормы ГТО для двадцати восьми. Но случайно и беспричинно, как кирпич с крыши или пьяный водитель, его убил рак!

– Помолчите, враг записывает! – Проводница накинула на Рывкина пальто.

– Думаю, есть причина, – возразил Глеб. – Савельев больше не пожелал сниматься. А каждая роль, это всегда новый опыт. Зато долгожительство однообразно: молитва, крупа в термосе, пробежки. Савельев – это дискета, роль – новый файл. Если дискета файлы не пишет, вы её скопируете на винчестер и выбросите. Вот и душу Савельева переписали в ноосферу, а самого в утиль.

Рывкин пьяно хихикнул и погрозил пальцем:

– Убило долгожительство? Остроумно. Но почему рак, а не пьяный водитель?

– В газете пишут, что всю жизнь боялся рака. Чего боимся, от того умираем. А прямую кишку подставило клизмование.

– Пойдите, уважаемый! – выпятил губы Рывкин. – Я клизмы с детства боготворю.

– Нездоровое чувство. Клизмы нарушили флору толстой кишки, то есть иммунитет. Там опухоль и разрослась.

– Просто и понятно, – улыбнулась женщина зубами, белыми и ровными, словно не было перестройки.

Рывкин открыл рот, но проводница ткнула в бок.

– Правда, умер не от рака, – закончил Глеб. – Страшно боялся жестокой боли, и сознание гуманно отключило чувства, а потом себя. Организовались тромбы и поступили в мозг. Четыре месяца Савельев пролежал слепым, немым и парализованным. Тело доживало овощем.

– Давайте в тамбур, профессор, – гнула линию проводница. – Во избежание.

Она сгребла контейнер с томом в сумку и вытолкнула учёного из купе. За окном, размытый полосами дождя, приближался кирпичный вокзал. Тверь?

– Я неделю не усну! – опустила голову попутчица. – Откуда такое?

– В «Одесском вестнике» статья «Не выдержал ДОЗы?» В Россию информацию не пустили, а про Украину забыли.

Попутчица схватила газету и недоверчиво обнюхала.

– Кто в трагическую бумагу заворачивал воблу? Я бы живым закопала, а через год повесила.

Поезд вновь разогнался. За окном акварельная пастораль середины осени. Не только природа разбрасывает краски, серые платформы запятнаны яркими зонтами и дождевыми накидками. Стоят вёдра облепихи, поздних яблок и грибов. В отличие от сибирских садоводов, местные умеют обороняться. Ставят водку с крысиным ядом на стол пустой осенней

дачки? Поочерёдно несут промозглую вахту? А может, организовали дружину и погнали воров обратно в сёла?

Болдинская осень для пенсионера – тропинка к Пушкину. Когда в кармане льготный проездной, а ведро наполнено урожаем, достань из кармана томик Александра Сергеевича. Полистай в электричке заскорузлым пальцем, другого времени не будет.

Поэзия осени озарила романтикой тему бегства от бандитов. Старой разбитой дорогой пробраться в затерянное садоводство. Найти брошенный домик, с печкой и сортиром. Пересидеть у огня зиму, мечтая и сочиняя стихи. А весной отыскать первый цветок и подарить девушке.

Неумолимое движение поезда прерывали станции. Люди уходили из вагона как из жизни. Глеб прочитал, что генерала ДПС убило листом ДСП.

Глава 3

Печатные строки поплыли, глаза стали слипаться. Голова откинулась, газета упала.

Глеб очнулся, когда Питер надвигался промышленными зонами. И поймал любопытный женский взгляд. Попутчица сменила хламиду обтягивающей кофточкой, сделала макияж, спина прямая, грудь вперёд.

– Противный был тип! – оправдательно повела плечом.

Близко расположенная женщина напрягает автоматически, и Глебом овладела некая игривость. Он прыгнул вниз и разминочно подвигал мышцами.

– Вы бы в Сан-Франциско не дали Савельеву умереть? – шевельнулись накрашенные губы.

Проехать женщине по ушам – святое дело, неподходящей темы здесь нет.

– Да. Он испугался бы неожиданной смерти и перестроился.

– Меня зовут Ирина Фланова! – заглянула в глаза попутчица.

– Очень приятно! – Глеб назвал себя, прикидывая объём прежде скрытых форм.

Ирина Фланова ухватила за рога:

– А есть признак смерти на сто процентов?

– Чёрная метка? Пока нет, но мечтаю найти.

Глеб осторожно провёл ладонью дамы по двухдневной щетине лица. Удивлённая Фланова не сопротивлялась.

– Щетина – не прозрачна и отбрасывает тени.

– Да вы что? – струсила Фланова.

– Но слабые, их не видно. Признак смерти может быть слабым.

– А сильным? – высвободила руку Фланова.

– Типа вмятины на автобусе? – Глеб слегка надавил бок женщины. Руке было приятно.

– А физики много думают, поэтому живут долго? – не отстранилась Фланова.

– Физики вообще не думают. Лукаво притворяются! – пересел Глеб на женскую полку.

– Притворяются? – взмахнули искусственные ресницы.

И Глеба, как говорится, понесло.

– Знаете, Ирина, какой в криминальном разгуле плюс? Можно купить пистолет и направить на физика, – говори, отчего сила тяжести? Он и сознается в непонимании. Не могут физики построить теорию, описывающую реальность, всё подгоняют под ответ. «Давайте допустим, что». «Не будем рассматривать, если». Между собой договорились противоречий не замечать. А с природой договориться не смогли, там свои законы. И что? Эти материалисты поверили в бога и ринулись в церковь. Лучше верить, чем признать собственную интеллектуальную недостаточность. Раз они не решили задачу, так угодно богу!

– Ну, скажете! Академик Великов не понимает тяжести? А вы читали про ужас в Воронеже? Пришельцы потащили мужика не в свою тарелку, и завопил трудяга – ничего не знаю! Удивились инопланетяне – а кто знает? Академик Великов! – признался мужик и был отпущен. Видите, в критические дни народ вспоминает Великова!

– Народное уважение сделало академика напористым и разнузданным... – Глеб обхватил талию Флановой. – С семидесятых годов Великов обещает токамак, которого сделать нельзя. Токамак – магическое заклинание для народа и партии. Они верят, а мистификатор гребёт народные деньги. Советские газеты и телевидение обещали управляемые термоядерные реакторы, плазменные МГД – генераторы и двигатели. И где это?

– Почему же физики долго живут? – упрямо махнули ресницы.

– Их теория Эйнштейна предохраняет. Которую не любят, но помалкивают – иначе заключают консерваторы. Однако польза есть. Относительность заклинивает мозг несовместимостью со здравым смыслом. И в фоновом режиме мозг до старости пытается совместить. Вечная задача и продляет жизнь.

Произнося тираду, Глеб подтягивал женщину за талию. Вдруг Фланова заныла:

– Пропал великий человек, помогите найти!

Глеб отпустил талию и отсел. Не лучший повод продол-

жить знакомство.

– Может, умер?

Лицо женщины надули слёзы.

– Ладно, попробую, – слабохарактерно пообещал Глеб.

Колени Флановой сползли на пол, остальное тело повалилось на Глеба:

– Учитель!

Навал женской массы ошеломил. Тут поезд и остановился, Московский вокзал.

– Извините, но не могу молчать! – резво вскочила Фланова.

– К вашим услугам! – в кармане нашлась бумажка с питерским телефоном.

Фланова растянулась и сунула её под красный лифчик. Оставив Глеба гадать, красные ли на ней трусы, женщина нахлобучила пуховик и заклеила липучки. Накрашенные губы прощально улыбнулись, она подхватила клетчатую сумку и устремилась в тамбур.

Снаружи поезда встречающие махали цветами и разборными тележками. Заглянуло в окно и исчезло лицо, перекошенное ответственностью. Мимо двинулась толпа с чемоданами и сумками, поплыли длинные багажные телеги. В мешках повезли почту.

Фланова ушла, и что осталось? Порывистость, большой бюст и длинные ноги, тело завёрнуто в стёганую колбасу. Сначала навалилась, потом убежала. Хуже всего, что это

Крупская, потерявшая Ленина. И шансов нет.

«Читала Карла Маркса – будто живую воду пила», – писала молодая Крупская. Будущий избранник представлялся тоже косматым. Выбирала глазами, а нашли уши. Марксистский кружок случилось посетить приезжему волжанину. Скромно помалкивал, но когда провозгласили целью образование народа, злобно захохотал. Крупская вздрогнула – так смеётся гений! И пошла к Ульянову писать листовки и организовывать демонстрации.

Но не каждой Крупской достаётся Ленин. Попадаются гении масштабом поменьше. Такого добыла Фланова, а Глеб опоздал. Быть небольшим гением выгодно. На цветы и театр тратиться не надо, главное факт объяснить или явление. И получишь обладание женщиной. А дальше теорию болтай, или скрывайся от КГБ. Клещом прицепится Крупская, окружит как Маргарита Мастера.

Ох, попили из Сибгидро доморощенные гении кровушки! Отвечать на их письма поручали молодым. Глеб догадался проект космического звездолёта переслать в Роскосмос, а девушка-аспирантка неделю тихо плакала. Глеб погладил несчастную, она заревела в голос. Некто Н. Д. Филиппов прислал тысячу страниц «Обсуждения математических рукописей Карла Маркса». Требовалась научная оценка. Он взял псевдоним Филипп Энде, так как Н. Д. Филиппов звучит диссонансом с Карлом Марксом.

Надо было спасти размазанные глаза. С партийной пря-

мотой Глеб предупредил: любую рукопись Маркса оценивает только Институт Маркса – Энгельса – Ленина. И честно заработал поцелуй. Хоть что-то.

Потерялся гений? Искать его для Флановой – не подходит другому гению.

Глеб вышел из вагона последним. Серая масса схлынула, и Глеб обрадовался. Он разглядел примёрзшую к началу перрона одинокую статую жены.

Глава 4

Одиночество жены – нечастое явление, любит она припахивать посторонних. Чтобы приняли участие и помогли. Например, встретить мужа на вокзале. Жену уважают за удивительную и непонятную открытость, искренность и общительность. За качества, которые обычно тяготят мужей.

Одинокая супруга будто собралась плакать.

– С приездом! – расстроено чмокнула, пахнув алкоголем. – В моей жизни случилось новое – приехал ты!

День выдался холодным и ветреным. Глеб улыбнулся, обнял жену и провёл по ней рукой. Лицо такое же милое. Тепло, по которому скучал, вот оно. Скорее бы домой, укрыться вместе верблюжьим одеялом.

Держась за руки, супруги шагнули к метро, но путь преградил человек непомерного роста. Огородив голову поднятым барашковым воротником, великан двигался в сиреневый туман хвоста поезда.

– Господи! Заместитель директора! – воскликнула жена.

Памятник обречённо застыл в непогоде пустого перрона. Жена широко поклонилась барину и дёрнула рукав Глеба.

– Евно Фильшевич! Вот муж мой, Глебом звать. На поезде приехал! – счастливо залопотала баба.

– Асеев! – прохрипел начальник. – Потерял сотрудника!

– Как же так? – удивилась жена. – Вы, лично? Здесь?

– Проскочил, наверное, с толпой. Мерзавец!

– Евно Фильшевич! Поезжайте в институт, мы постоим – подежурим, мимо не пропустим. Правда, Глеб?

Но сибиряку администратор что сосна.

– Ожидание – дело смутное! – Глеб потянул жену уйти. –

Дожидалась девушка парня из армии, а он вернулся, закурил и запил! Тебя, говорит, ещё посередине службы разлюбил!

Асеев неприятно наставил рачьи глаза:

– Что? Когда?

– Шутит супруг, Евно Фильшевич! – пропела жена. – В Сибири так принято, повсюду КВН. Кого ловить прикажете, кто опоздавши?

– Марк Рывкин!

– А, ДОЗ-120? – догадался Глеб. – Досрочно сошёл с дстанции. Ехали вместе, а какая разная судьба!

– Почему сошёл – не знаете? – нахмурился руководитель.

– В купе журналист пробрался.

Асеев словно цыплёнком подавился. Помолчал, шевеля сочными губами.

– Почему не позвонил? Или телеграмму?

– Не успел, думаю, приедет следующим поездом.

– Мы сбегает к расписанию, посмотрим прибытие! – вклинилась жена.

Взмах начальственной руки прервал инициативу. Асеев поблагодарил и крупно зашагал к расписанию. Стало свободно, словно отъехал автобус.

– Найдётся он, Евно Фильшевич! Обязательно найдётся! – закричала вдогонку жена.

Она добрела от начальства как от рюмки.

– Бывает же такое! Рывкин в плановом отделе напевал.

– И что?

– А теперь пропал! – рассмеялась жена необычному совпадению.

Пешеходы проходят вокзал насквозь, телеги объезжают снаружи. В зале ожидания буйство торговли, множество неуместных ларьков. Вместо Ленина, глядящего вдаль, прямо на Глеба уставился Пётр.

– Странно, почему он лично? – озадачилась жена. – Мог послать.

– Объясняю. Заместитель директора внимателен к работникам. Рассудил, что надо приехавшему Рывкину? Поскорее оказаться дома. Значит, оркестр и торжественный митинг можно не устраивать, цветы неуместны. Достаточно отвезти домой на машине, помочь донести вещи и пожелать отдыха.

Глумление над начальством надуло лицо жены.

– Почему, кстати, он Евно Фильшевич, а не Евгений Филиппович? – На эскалаторе Глеб любил, чтобы женщина сверху.

– Сейчас не социализм. Евреи такие же люди, а некоторые даже лучше.

Питерская квартира встретила без вина, рюмок и расстеленной тахты. Глеб озирался, как в гостинице. Жена вывернулась из объятий и засобиралась в институт.

– Волнуюсь, добрался ли Рывкин? Ты пока ищи работу.

Костёр желаний погас, но угли ещё тлели. Пока она не надела пальто, Глеб полез за подарком.

– Пойми, работы нет. Особенно гидродинамику. Отыска-

ла одну нормальную вакансию, очень советую.

Подарок – немецкое печенье в жестяной банке с картинками ретро – презентабельный, но скромный.

– Не кофточка, духи или помада? – поморщилась жена. – Ты не примитивен.

– У меня денег нет.

– Как – нет? Совсем? А доля?

– Чуприн с бандитами отжал.

– Мило. Так лохов учат. Может, хоть заразу в дом привёз?

Жена забыла про работу, готовя атаку. Гормональная система начала разогрев тела. Выросло артериальное давление, участился пульс. Мышцы рук, ног и челюстей налились кровью и сжались, голосовые связки набухли для рыка.

– Можно не давать жене денег? – она выставила цветные когти.

Глеб отскочил за стол.

– Да! Если оплатил коммунальные и хозяйственные расходы! – Когти прыгнули рвануть лицевое мясо, но Глеб отшатнулся. Жена шагнула вокруг стола, Глеб – тоже, сохранив дистанцию.

– Не давай, если потребовала третью шубу! – Жена прыгнула. Когти вонзились в бок, но жертва вырвалась.

Появилась бутылка перцовки, женщина отпила из горла, потом ещё.

– Не давай алкогольчке, она пропьёт! – Жена перевернула стол и настигла. Когти Глеб удерживал, но клыки раздирали

плечо. Силу женщины увеличила злость.

– Всё упрощается, если добытчик – жена! – Она вырвалась, не дав скрутить руки. – Зачем ей твои деньги?

Взмокшие бойцы разошлись в углы ринга.

– Наоборот, жена заработанные средства принесёт в клювике. А ты распределяй на продукты, коммуналку, одежду, иначе в семье разлад?! Так, царь природы?

Жена рыкнула и перешла на бокс. Отбив о твёрдого Глеба руки, истощила гормоны стресса, и организм включил успокоение.

– Алкоголик и азартный игрок обязаны отдавать! Но лоху не обязательно. Быстрее сдохнет!

И удивительная жена сочинила рифму:

– Лох, чтоб ты сдох!

* * *

Глеб мирно питался бутербродом с маслом, запивая молоком. Колбасу и сосиски не трогал, деликатесы – для белых. Вдруг с шумом распахнулись обе двери. На работе жена вновь обозлилась.

– Наслаждаешься? Как ни придёшь – ты на кухне! Прожуй, потом говори!

Твёрдыми шагами жена подошла к окну на старые петербургские фасады. Распахнула – и кухню заполнил воздух дождя и тумана. Закурив тонкую сигарету, посмотрела при-

стально.

– Звонил?

Жующий не смог ответить.

– Я спрашиваю, звонил? Ты не слышишь? Или заболел?

Речь шла об «одной нормальной вакансии» в перспективе приближающейся старости. Газетная вырезка гласила:

УЧЕНИК ПЕЧАТНИКА

Для обучения специальности «печатник флексопечати», мужчина до 45, зарплата после обучения до 550. Денис.

Раздражённый Денис ответил, что печатной машины нет, когда будет, неизвестно. Жена не удивилась:

– И здесь не берут? Барахтайся в многоуровневой грязи!

– Давай сходим куда-нибудь? – Глеба увлекло переодевание жены. – Затраты компенсирую в будущем.

– Ну, не знаю... – задумалась женщина.

– Поужинаем!

– Вечерами не ем, – соврала она.

– Выпьём!

– Слушай, Глеб, – жена выдержала паузу.

– Да?

– Иди к чёрту!

Алкоголем встречу не усугубили, спать легли вовремя. Вместо ужина при свечах с цветами и шампанским – огром-

ное верблюжье одеяло укрыло обоих. Неизвестно, на что надеялись, обнявшись в ночи. Жить вместе? Расстаться?

Кончилось быстро: жена застыла, широко открыла глаза и закричала. Вроде бы повеял холод, и прямо над ними тьма сгустилась в человеческую фигуру. Фигура ринулась с потолка и испустила ненависть. У жены остановилось дыхание. Потом она забормотала молитву, которую не помнила. Договорив священные слова, завернула тело в халат и убежала на кухню курить.

Опешивший Глеб поднялся и включил свет: на потолке – никого, только люстра. Он рухнул в постель сбитым пикирующим бомбардировщиком. Иллюзия случилась или фантазия? Просто ушло лето, и вечер перестал быть томным. Глеб нашарил в чемоданчике подаренную бутылку виски. Свинтил крышку и отпил, а жена отказалась. Ведь мама одного парня тоже видела тёмную фигуру и заболела раком!

В восемьдесят седьмом Глеб мечтал на ней жениться. В танцах выкручивал как бельё. Возраст подгонял или соотношение талии – бёдер? Соотношение, оно и сейчас убивает военных. Плюс загадочное курение, откинувшись в кресле и положив ногу на ногу. Наполняешь рюмку и поневоле заглядываешь в колени. А она в ЗАГС не рвалась, дискотека и коктейль вполне устраивали.

Став женой, удалялась в ванну говорить по телефону с нежной улыбкой, иначе звонки сбрасывала. Оттуда доносился певучий голос, звучали элементы флирта. В отличие

от большинства опаздывала не на работу, а с работы. Иногда возвращалась растрёпанная как Алёна Дмитриевна (жена купца Калашникова), выдыхая запах спиртного. Детально рассказывала про мероприятия, иногда молчала или грубила. Была замечена с посторонними мужчинами, по легенде – разовыми помощниками. Перед отъездом в Питер прищурилась, в фильмах это предшествует разрыву.

Думается, холод встречи не из-за денег. Похоже на адюльтер, по-русски говоря, завела хахалю. Надо понять, кто? И мало не покажется.

Постепенно бутылка ополовинилась. Известно, что выпив, сибирские учёные не прекращают мыслительную деятельность. Более того, интеллект обостряется. Одного математика идея настигла посреди застолья, и он ушёл телеграфировать Брежневу. Вот и Глеб, закрыв глаза, увидел вдруг танцплощадку, где кружились в вальсе несовместимые пары. Жёну вела тёмная фигура, ученик печатника обнимал гидродинамику, президента кружило пьянство. Они толкали других танцующих и наступали на ноги. Так вот, эти странности предназначены дать ему новый опыт.

И книжной полкой на голову упал сон.

Жёна ворочалась и вспоминала любовное свидание. Затеяли ролевою игру: у студентки задолженности, строгий декан жучит виноватую. Долго не стихает шум унитаза, восстанавливая водный объём. Это реконструкция шума между лекциями, когда задолжница входит в деканат. Наконец затих-

ло – начинались занятия, но декан отошёл от текста.

– Планировали жить совместно, но приезжает муж. Причём законный!

Он выдержал паузу, снимая трусы невиданного размера. Студентка, не сдержавшись, хихикнула.

– Как случилось, что дело приняло такой оборот? – потребовал ответ декан.

Студентка опустила глаза.

– Не виновата я, он сам пришёл. Думала, вырастет в Сибирь. Но вырвался.

– Вырастет и забудет долю в квартире?

– Ну да.

– Развод бы напомнил. А теперь займёт жилплощадь, и совместная жизнь откладывается на неопределённое время. Из цели превращается обратно в мечту. Цель – это мечта с планируемым временем исполнения.

Огорчённая студентка неукротимо взмахнув ногами, стянула колготки. Декан подобрел, он не зверь:

– Сильно захочет развода, плюнет на жилплощадь!

Чтобы декан не читал нотацию, студентка перечислила пункты:

– Флиртую с гостями, критикую при посторонних, ляпну краской на серый костюм, морю голодом и не стираю. Фразы: целыми днями вкальваю, можешь не ходить в магазин, кто выключил сериал?

– Хорошо. Будет занят или захочет спать, требуй внима-

ния! Устроится на работу, звони туда, ругайся – почему мало платят? Доставай ревностью – что было и с кем? За десять дней нормального человека до самоубийства доводят.

Студентка не девочка, многое опробовала, даже у психолога была. Объявился в Сибири платный психолог, бабы и набежали. Дошла очередь жаловаться на мужа, думала, как в Америке. А психолог рывкнул: «Чего, сука, собачишься?!»

– Вопросы? – подвёл черту декан.

Студентка опустила глаза. Сибирские учёные люди закалённые и крепкие. Как засохший прыщ, не сковырнёшь.

– Замороженный он, плохо поддаётся. Проголодается, яичницу пожарит. Расстроится, выпьет. Обзову, а наука утешит. Колдовать пришлось. В полночь свечи треугольником жгла, бросила в пламя свадебную фотографию. Трижды произнесла заклинание.

– Современная наука колдовства не отрицает, – дал оценку декан. – Есть там древние слова?

– Как день заканчивается, так любовь уходит. Как свеча догорит, так Глеб уйдет. Да будет так!

Глава 5

Газеты заполнили вакансии помощника руководителя, это хитрые люди заманивают любопытно-жадных. Но хочется быстро получить аванс, посидеть дома с вином и нормально овладеть женой. Глеб записался к руководителям Татьяне Львовне и Борису Ивановичу, потому что встреча сегодня. «А что? А вдруг!»

В школе Невского района актовый зал, как пасть кита, ловил мелкую рыбёшку.

Радостные плакаты скотчем прилеплены к стенам. Похоже, руководители помогают любопытно-жадным заполнять анкеты. Подлетела улыбчивая активистка.

– Вы под кого легли?

– Под Татьяну Львовну.

– Вон, видите, женщина с добрым лицом стоматолога?

Вдруг заплодировали, разбудив в Глебе стадное чувство, он тоже хлопнул. На сцену влез упакованный тип с удивлённо разваленным ртом.

– Помню, пришёл из любопытства, как вы сейчас. Сидел вон там и ржал. Честно, от смеха заливался! Ладно, дай попробую. А через три дня – сто двадцать долларов. И пошло-поехало. Вон джип за окном стоит. Больше не смеюсь, даже улыбаюсь редко. Хочу предупредить. Стоит заработать, набегут всякие. Дяденька, займи! Парень, подвези! Пацан, дай

кроссовки!

Закрыв удивлённый рот, тип покинул сцену, а жадно-любопытные наклонились к анкетам. Наконец, Татьяна Львовна созвала помощников. И рассказала про чудо, окрасившее серую жизнь. На Кольском полуострове, где романтики ищут Гиперборею, Татьяна Львовна пожизненно сверлила зубы. Но зашумела тайга слухом, врачиха поверила и стала счастлива!

– Вдруг вы отрезали палец или чего похуже? Не особенно торопитесь, успеете. Кладёте член в кастрюлю Цербер и спокойно едете в операционную. Отрубленный палец не портится двадцать дней.

А борщ в кастрюле? Ставили эксперимент, за сколько дней прокиснет? Так не дождались, съели! Цена волшебной кастрюли триста пятьдесят долларов. Продадите, получите сто пятьдесят, сто достанется руководителю.

Главное при продажах доверительность. Начинайте нейтрально. Сосед, угостись! Подруга, не разменяешь? Дядя, не волнуйся! Тембр низкий, успокоительный как горловое пение бурят. Пробуем!

– Угости-и-и-и-сь! – басом заревели помощники.

Нервная женщина не выдержала, подхватила плащ с сумочкой и застучала шпильками прочь. Лицо руководительницы утратило доброту:

– Давайте прямо, по-рабочему! Кому стыдно втюхивать знакомым и родственникам – уходите!

– Аванс будет? – ребром спросил Глеб.

– Вы что, не слушали? На руки только рекламный проспект.

Увы. Свежий ветер понёс Глеба в историческую часть Петербурга. Около бизнес-центра собирал группу Борис Иванович. Ярko вспыхнула стеклянная дверь, приглашая войти. Группа вломилась в логово буржуазии – зал с деловыми бланками на столах.

Борис Иванович показал на доску объявлений, сегодня дополнительно дадут восемнадцать единиц! Он принялся перемножать на бумажке, но сбился. Группа топталась, но цифры у Бориса Ивановича путались.

На эстраду поднялась красивая, дорого одетая дама и провозгласила официальную часть. Создаётся транснациональная корпорация на десятки миллиардов. Производство графического редактора с плавным изменением толщины. Начинаем с вложения собственных средств, за них начисляются единицы. Компания раскручивается и продаётся, деньги делятся согласно единицам. Вложив три тысячи долларов, получишь восемьсот. Тысяч долларов.

– Что за дикая прибыль? – Глеб обозлился, что аванса не будет.

Зашумели прочие сомневающиеся.

– Почему невозможно? – страшно крикнула оборванная тётка. – Я вложу двадцать тысяч!

Вразной завопили подсадные, королева бала подняла

руку в драгоценностях – внимание! Вложения обязательно надо обдумывать. Но недолго, чтобы успеть. Наберём деньги – и вы опоздаете. Лучше оформить сегодня, бланки на столах.

Глеб поднялся и надел китайский пуховик, наступила тишина. Пошёл к двери, там испугалась огромная баба.

– Может, Юру позвать? – пролепетала она.

– Откройте, или сорву мероприятие! – обозлился Глеб.

Прибежал Борис Иванович и магнитным ключом открыл выход.

– Господа инвесторы! – пообещал Глеб публике. – Весной пойдёт крапива, будет легче!

День потрачен напрасно, вечером жена от супружеских обязанностей отказалась. Страх скрутил радикулитом, что чёрная тень прыгнет снова. Должен, понимать, что домогательство несвоевременно.

На следующий день Глеб изучил редкие вакансии не помощников руководителя.

«Требуется вручитель премий. Представительный вид, грамотная речь, наличие передних зубов. Ежедневно, без выходных и перерыва на обед».

«Дому еврейской культуры требуется астроном – шахматист – повар».

«Чинить утюги, продавать горбыли и доски. Дон Алехандро Родригес».

«Ищем православных грузчиков».

«Суконной фабрике нужны трепачи».

Вакансии не подошли по разным причинам. Трепачами оказались женщины. Две недели Глеб развозил резюме куда – попало. Менеджерам по персоналу платят за их количество. Получив бумажку, они тебя забывают. Ждите, говорят, может позвоним. И тишина.

Осталось идти в киноискусство, так говорил человек из Кемерова.

– Главное – выигрышный сюжет, – учил он. – И такой сюжет есть. Спасение евреев от фашистов.

Глеб писал сценарий три дня.

Еврейскую девочку прячет от гестапо белокурая фрау. Чёрные страдающие глаза ребёнка и великолепная женщина ретро. Соседка, нацистская крыса, следит и подозревает. За окном взрыв, подпольщики убили штурмбаннфюрера! Повальный обыск с собаками. Немецкая овчарка рычит в окно, где на карнизе четвёртого этажа стоит девочка. Гестаповский офицер, знаток лошадей и французских вин, понял слова собаки. Он шантажирует даму сексом, несмотря на культурный уровень. В рамке фото мужа на восточном фронте. Внизу под ботинками девочки брусчатка тротуара. Фрау отворачивает портрет и уступает. Но гестаповец овладевает не сразу. Наслаждается видом тела, цитирует Шопенгауэра и Ницше. Наконец наступает конец. Человек и животное удаляются, и фрау, украсив голую грудь подоконник, подхватывает падающую девочку. В багажнике Опеля адмирала вывозит де-

вочку в Швейцарию к родственникам. Счастливый конец? Отнюдь, товарищ майор. На обратном пути машина останавливается на перевале. Тонкие руки нежно трогают фотографию. И фрау разгоняет Опель в пропасть.

Глеба растрогало придуманное, он посмотрел на жену и отвернулся.

– Фильм понравится всем! – объяснял автор по телефону Ленфильму. – Евреям, потому что девочка спаслась, немцам – потому что фрау великолепная, русским – потому что грудь голая.

На Ленфильме колебались.

– По тренду проходит, ребятки, но мало самобичевания. Не проявляя угрызений, бух в постель? Не зарыдав, бух в пропасть? Так нельзя, ребятки. И финал! Пусть тётка откроет вместительный багажник и зарыдает, что могла вывезти двоих.

Редко, но бывает в Питере солнечный день, случается – автора приглашают на киностудию. Встретивший работник водил Глеба кругами среди декораций, запутывая следы. У столика с коньяком и рюмками разместился в кресле мощный дядя. Глеб тоже сел в кожаное кресло, вобравшее энергию гигантов кинематографа. Окружающее подавляло, пересохшим горлом Глеб представился.

– Возьмусь, ребятки, снимать. И не фильм, а сериал!

Глеб поразился, вот как в жизни бывает!

– Подробности обговорим, но принципиально решено.

Дядя быстро налил две рюмки и чокнулся. Глеб выпил, но не почувствовал. Дядя закусил лимоном.

– Поднимать буду российский кинематограф. Собираю талантливых ребят.

Корифей вновь опрокинул и поблагодарил Глеба за доверие. Глеб поблагодарил за высокую оценку. Корифей предложил пообедать, заодно обсудить погоню презерватива. Глеб потускнел от предчувствия, в сценарии такого не было.

– Как нет? Ну, где презерватив настигает героя?

– Нет. – Услышанное убило Глеба.

Он безнадёжно протянул скреплённые листы бумаги. Жирные пальцы корифея распахнули листы как женские платья.

– Разве это не мультфильм «Приключения сперматозоида»?

Обида залила Глеба, и он выхватил сценарий. Странную вещь он понял, спускаясь на эскалаторе. Больше всего расстроило, что придуманная фрау не оживёт.

* * *

В телевизоре умничал Собчан, отважный Д'Артаньян перестройки. Все за одного три мушкетёра Чурбанс, Почемук и Шахрань. На другом канале олигарх Деризадка и культуролог Записец шурились на студенток. Глеб переключил на фильм, где в главной роли Ян Царапник с лицом несчастной

жабы. Кино прервала реклама кандидата в президенты Марта Шахуя.

Что за странные имена, твою мать? Почему командиры прошлого звучали благостно? На трибуну поднимались Брежнев, Андропов, Гришин, Громыко, Кириленко, Мазуров, Пельше, Подгорный и Полянский. Неблагозвучие правящих имён порождает неблагополучие страны или наоборот?

Глеб переключил канал и ужаснулся инкубаторам: как можно животными и птицами набивать клетки! Они не биомасса, а божьи существа, и до назначенной смерти должны жить счастливо. Счастливые коровы с курами должны заполнить луга. Может, тогда вернуться благозвучные имена руководителей. А пока животные – биомасса, народ – такая же биомасса для корявой элиты.

Глава 6

– Ну? Что молчите? – уставился Рывкин на Годунову.

– Вы про талмудизм?

Он сунул газету женщине в лицо.

– Что это, по-вашему?

– Я никуда не писала! – Годунова недоумённо подняла брови.

Марк Владиленович оглянулся на Асеева.

– Не понимает или включила дурочку? – Не получив ответа, Рывкин продолжил: – Не понимать одно, а дурочку изображать не позволим! Отвечайте, я доступно выразился?

У Годуновой прыгнуло давление, она округлила глаза. Рука напряглась дать по морде. Луковский в выглаженном костюме на фоне габаритного Асеева напоминал озабоченного школьника. Что им надо?

– Не стройте глазки, здесь не дом отдыха! – повысил тон Рывкин.

Сучок! Леня встать с кресла....

Два трёхэтажных здания НИИ лекарств и ядов имени Майрановского соединял кирпичный переход. У наружного здания колонны, лепные потолки и косметический ремонт. Здесь администрация и плановый отдел, остальные помещения сданы в аренду. Второй корпус занят лабораториями, в коридорах ящики с оборудованием, скрипит грузовой лифт,

из комнаты поглядывает электрик. Приёмная Асеева на втором этаже отделана по европейскому стандарту. Когда, строго цокая каблуками, вошла плановичка Годунова, учёные поглядели одобрительно. «С возвращением, Марк Владиленович!» А что теперь происходит?

– Меня вызвали для оскорблений?

– Вы не вызваны, а приглашены на деликатное мероприятие! – торжественно уточнил Асеев.

– Кто, наконец, жил в Сибири? – жёстко, не боясь женских слёз, потребовал Рывкин.

Не утихомирился, сучок.

– Ленин! – рассердилась Годунова.

Марк Владиленович снова оглянулся:

– Она издевается! Вы, Годунова, откуда приехали?

– Из Сибири.

Рывкин приблизился и навис, заглядывая под блузку. Ладонь женщины тяжело шмякнула учёную физиономию. Давление пришло в норму, а Рывкин отпрыгнул на расстояние.

– Значит, признаёте? – упрямо потряс газетой.

В начале совещания Рывкин демонстрировал обведённую фломастером статью. Юбилей Казнадеева, огромная эрудиция и глубина знаний, иностранная награда, сильная незаурядная личность, знаменитый эксперимент, темперамент проповедника, зубр классической медицины, космофизик, исследователь здорового человека. Ну и что?

Последовал комментарий Асеева, придавившего ладоня-

ми плоскость длинного стола:

– Речь о конкуренции в науке!

Оказывается, академик уплывает вдаль, а мы посматриваем вслед. Не преодолели талмудизм и начётничество. Он надеется, присутствующим не надо объяснять? Годунова скромно просит объяснить.

– Неспособность отрицать собственные догмы. Отрыв от реальности. Нежелание вникать в существо дела.

Она слушала внимательно, спина прямая, попа на краю кресла. И вдруг Рывкин замахнулся газетой, как на муху. С этого началось.

– Признаёте, что муж знает Казнадеева?

– Знает, – удивилась Годунова, – и что?

Рывкин снял пиджак и засучил рукава. Женщина ленивой пантерой наблюдала тощие руки учёного.

– Мне поручено спрашивать, а не вам, – сжал Рывкин костлявые кулаки. – Где работал муж? Быстро!

– В Сибгидро.

Рывкин выпучился поверх очков.

– Где ещё? Быстро!

– Не помню...

– В медицине? Быстро!

– Да. На термографе.

– У Казнадеева? Быстро!

– Наверное. Да.

Учёные переглянулись.

– Ваш муж обосновал факт и обстоятельства смерти известного мертвеца психологическими особенностями. Он гений? Или нахватался? Быстро!

Эти двое находят радость в пустой болтовне?

– Не гений точно! Хотя и обозвал нищей духом.

Дребезжащий смех Рывкина оборвался от каменного взгляда Асеева.

Замдиректора выступил крайне серьёзно.

– Руководство института приняло решение бросить научные силы на преждевременную смерть. И не мы одни. В Питере тему разрабатывает иностранный фонд. Оглядываемся на Сибирь, у Казнадеева лучшая в мире выживаемость. Но не сдвинуть лежащий камень. Надо окольным путём разузнать, как он это делает? И опробовать на своих. Вон электрик, почему жив? И укрепить выживаемость в эксперименте ДОЗ-120. Не дай бог, опять долгожитель умрёт!

– Вспоминайте! – сменил Асеева Рывкин. – Таблицу смерти у мужа видели? Или шаблоны гибели? Накладываешь на электрика, почему током не убило?

Годунова взволновалась и черкнула ручкой в служебном блокноте. Они хотят, чтобы ответственность за великий эксперимент легла на неё сверху. И побудила выведать через мужа секреты Казнадеева.

Почему же Асеев подчёркнуто нейтрален и отстранён, а Рывкин хамит? Думают, честная Маша будет плакать от счастья? Годунова прищурилась на выкаченные глаза замдирек-

тора:

– Оскорбительный тон в отношении меня – ваша идея?

Извинительно поднялась каменная ладонь:

– Марк Владиленович, действительно. Годунова верстает годовой план и помогать науке не обязана. Это бонус, который мы просим.

– Да я что? Конечно! – Рывкин опустил рукава и застегнул пуговицы.

Годунова молчала. Рывкин приподнял зад от кресла и наклонился вперёд:

– Мадам! Виноват, погорячился.

Запоздал с галантностью, сучок. Годунова демонстративно отвернулась, опёршись локтями на подоконник. За окном виднелся уютный дворик между зданиями и одноэтажной котельной. На скамейке курил электрик. А ведь было в прошлой жизни что-то необычное, относящееся к смерти.

– Маски припоминаю.

– Какие? Кислородные? – вздрогнули, как лошади, учёные.

– Нет, простые. Надевают тяжёлым больным, чтобы выжили.

– Ничего себе! А подробнее?

– На фото больничная палата, все в масках. Карнавал и фильм ужасов.

– Почему молчали? – схватился за шевелюру Рывкин. – Это Мексика. А маски разрисованы?

Про рисунки не помнила. Однако, как их зацепило! Оба напряжены, ни тени юмора.

– Сову видно по полёту! – Рывкин погрозил окну кулаком. – Ну, держись, экспериментатор над людьми! Испытывал на больных всё подряд? Деревенских ведьм тащил с электрички? Алтайских шаманов заставил бить в бубен? Докопался до Мексики, а нам кукиш? Нет! Тратил народные деньги – подавай результат! Долой скрытую власть!

Марк Владиленович смолк и побледнел. Не стал продолжать, а схватился за живот и выбежал.

– По традиции медицины Марк пробует на себе, – поглядел вслед замдиректора.

Огромные ладони обхватили грудной отдел специалистки планового отдела, и Годунова оказалась на коленях Асеева. Участились сердечный ритм и дыхание. Почуввав женское таянние, Асеев коснулся уха мясистыми губами:

– Узнай больше про маску и таблицу!

Задание отрезвило Годунову, и она прыгнула с колен.

– Я тебе женщина или шпион?

– Женщина. Шпион – это бонус.

Пионеркой она переживала, что сыщики в романах – только мужчины. Подружки мечтали встретить волшебницу, а она – раскрыть преступление. Или добыть секретный документ под угрозой провала. Следила за соседями, передвижения шифровала в блокноте. Тренировала незаметность, мамиными тёмными очками прятала глаза.

Дома Годунова переделалась в тёмное, ведь яркие вещи недопустимы. Прекрасно и романтично шпионить за мужем. Добыть атрибуты смерти – настоящее ответственное задание.

Шпионаж, как известно, – это ожидание. Она ждала, когда Глеб уйдёт в пивную. Проверила в глазок: лестничная площадка пуста. И волнение охватило отважную разведчицу. Женские руки обняли скромный чемоданчик, пальцы потрогали замки. Она дёрнула крышку, и чемодан разинул внутренности. Перебирая содержимое, Годунова постепенно хмурилась. Вдруг взяла и вытряхнула чемоданчик на пол. Выпали газетные вырезки, портрет какой-то девицы и немного вещей. Даже нечего отдать татарину. Она разочарованно сгребла всё в кучу и запихала обратно. Оттолкнула чемодан, как приставучего пенсионера.

Правильная охота начинается с ужина. Женщина отправилась на кухню, закурила и принялась готовить.

Затрещал новостью маленький телевизор, на экране крупным планом расстрелянный автомобиль бандита Незабудько. С пулевыми дырами бандита увезла реанимация. Диктор торжественно сообщил, что Незабудько любил и почитал церковь. Корреспондент поведал историю простого парня восьмидесятых. Приехав в Ленинград с одной финкой, он дорос до рецидивиста. В науке это соответствует доктору наук. Незабудько поддерживают воры в законе, продвигают в смотрящие. Вопрос должен перетереть сходняк. Аналог об-

щего собрания академии наук.

Комментатор, очевидно, из учёных. Пристроился в телевизор, а успокоиться не может.

Вернулся из пивной Глеб и уставился на экран с криминальным репортажем. Он глотал ужин, не замечая состояния хозяйки. Шпионаж – это ожидание.

– Бандитов как уток на Неве, а подстрелили этого? – мяукнула Годунова. – Выживет, как думаешь?

Челюсти Глеба остановились. Неужели заподозрил? Он оглянулся, но Годунова успела сделать козье лицо.

– Суицидальное поведение у него замечали?

– Чего? – не поняла Годунова.

– Азарт, ажиотаж, желание улететь? Гонял на машине двести километров в час?

– Да.

– Не выживет.

Пока допивает чай, надо запутать следы. Грамотно выбрать последнюю фразу.

– Правда, что, слыша мат, казак нравственно страдает?

– Да. Особенно есаул. – Глеб поблагодарил и тяжело поднялся.

Годунова усмехнулась в спину и закурила. Азарт, ажиотаж и желание улететь – разве не шаблон? Только не на бумаге, а в голове. Грамотно придумано. Она запела, что где-то далеко идут грибные дожди.

Глеб лежал на тахте, накрыв голову газетой, а Году-

нова подседа, прижав к мужчине заднюю окружность. Не приуменьшай значение простого касания! Тактильного действия, говоря научно.

– Помнишь, ты вечерами маски больным вешал?

– Такое не забудешь.

Она почувствовала, что в муже напряглось и сдвинулось. Кошкой потянулась, убрала живот и выпятила грудь.

– И они подействовали?

– Да.

Води жалом медленно, учат оперативные руководители. Годунова огляделась, где-то было вино?

– Выпить хочешь?

– Мужик всегда хочет.

Неотесанный мужик в стакан нальёт, конфетой закусит. А женщина должна придать коленкор. Годунова мелко натёрла сыр, перемешала с майонезом и петрушкой. Этой массой покрыла лимонные кружки.

– Пью за науку! – взяла она высокую ноту. – Способную удивить женщину!

– За Сталина! – поддержал Глеб.

Супруги выпили и даже поцеловались. Вторые бокалы обошлись без поцелуя. Муж словно прислушивался к далёким звукам.

– А маски специальные или просто? – повернула к теме Годунова.

– Все перепробовали, даже с острова Борнео.

– И какая подошла?

– Сначала никакая.

– А потом? – выдохнула женщина сигаретный дым.

– Мне даже академик не поверил.

– Ну, говори же, интриган.

– Любая подходит, если цвет красный!

– Ух ты! – удивилась она. – Это ты догадался?

– Я.

Практически, задание выполнено. Паста «Не прилипай!» отбеливает пожелтевший унитаз. Сквозь обычное проступает в Глебе непонятное могущество. Годунова утомлённо встряхнула волосы – странное оно. Жизнь оборудовать не сумел, скоро пойдёт бутылки собирать. Но, походя, зацепил Асеева. Такую матёрую глыбу – и на крюк!

Годунова разлила остаток вина, супруги чокнулись. Алкоголь стегнул женские мозги, и она слегка всплакнула.

– Хочу отдельно выпить за твоё открытие.

– Пройдёмся в круглосуточный?

Уже перед дверью она вспомнила:

– Ты вырезаешь из газет некрологи?

– Посмертные воспоминания. Связываю смерти с предисториями.

Она запуталась, надо ли это руководству?

– Не понимаю, ты правда крутой? Погляжу, ничего в тебе нет!

– А я всё гляжу, глаз не отвожу! Ча-ча-ча! – Глеб обхватил

её, одетую в пальто.

И Годунову смутило объятие. Она потрогала усы необычного мужа:

– Ты к чему стремишься?

– Найти работу.

– А максимум?

Глеб нетрезво задумался:

– Работу, приносящую деньги, уважение и новый опыт. Да хрен с ней! Желая деревенских наслаждений.

Вот что она сейчас делает? Обворовывает одного человека в пользу другого. Отняла себя, пытается отнять квартиру, а теперь и выудить наработанное знание. Лох – разве оправдание? Судьба такая, значит успокойся?

Развлечения продолжились у киоска. Приличного вида мужчина стрелял в окошко из пистолета. Приличная женщина наблюдала. Постреляв, респектабельная пара уехала на иностранной машине. А в синий дым киоска вернулся продавец и протянул бутылку вина.

Она уедет от Глеба на машине. Но он заслужил кусок радости.

– Деревенское наслаждение мы понимаем одинаково? – улыбнулась она.

Лживый секс тоже секс.

Глава 7

– Бандиты телефон оборвали. Любые деньги, лишь бы выжил, – Асеев взял красную маску Буратино. – Нос длинный, это обязательно?

Рывкин удивился непонятливости:

– Удобно же держаться!

– Подозрительно как-то.

– Есть многое на свете, друг Гораций. Казнадеев всегда косит под дурака. Желудочному язвеннику в буфете покупает пирожок. Съел? Излечен, иди домой.

– Да как он не боится?

– Очень просто, уважаемый коллега. Пирожок набит омепразолом и лежит отдельно. Обычно подсохший. Академик выбирает лично, вдруг свежий пирожок сожрёт. И пошёл слух, что язву лечат психологически. Про омепразол никто не знает.

– Боюсь, и маска прикрывала гипноз.

– Мексиканские индейцы масками отпугивают духов смерти. Попробуем. Выживет, получим деньги и культ личности. Нет – сделали, что могли. Комбинация без проигрыша.

Невесело в больнице после полуночи. На каталке, закрытое простыней, остывает тело. Выглядывает синяя стопа с номерком и желтыми ногтями. Бросили в коридоре до утра. На стенах новогодние рисунки: дед Мороз, зайчики.

Дежурная совой пучится через стекло, как Марк Владиленинович загружается в лифт. В отделении реанимации широкий коридор, палаты на левой стороне, а справа сестринский пост, туалет, ванна и две процедурные. Из тёмноты сестринской в коридор шагнул Серый.

– Паспорт!

Красиво-мужиковатый бандит холоден. Переписал данные паспорта, обыскал на предмет оружия или яда. Маска вызвала сомнение.

– Нос зачем?

– Для удобства, как ручка двери. Маска повышает выживаемость. Но если нельзя...

– Приступайте, – Серый отошёл во мрак.

Незабудько лежал с приподнятым изголовьем, разметав мощные руки. Рывкин сел возле тяжело дышащего авторитета. В локтевые вены введены иглы, соединённые с аппаратом переливания крови. Из ампул капает раствор, который через пластмассовую трубку – катетер – поступает в подключичную вену Незабудько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.